Боль Земли
На книгу МИРА

1. «Сечь – одна на всех…»

В одиночку мы – одна капля. Вместе мы – океан.

Акутагава Рюноскэ

Для меня «Книга Мира» – триптих, части которого, правда, неравновелики.

Лично я «повелась», прежде всего, на «Сертификат Посла мира» и пригласила в проект пятерых друзей, один из которых – Калоджеро Ла Веккъя – отредактировал итальянскую часть книги. Благодаря гонорару за работу над переводом я смогла приобрести «Книгу Мира» для двух друзей и одной из библиотек города. Низкий поклон всем авторам, пожелавшим перевести свои произведения на итальянский язык (в частности, Ольге Фокиной).

Самая внушительная часть книги – на русском языке: 31 автор.

Часть немецкая – 11 авторов.

Итальянская – 13 авторов, хотя визуально казалось, что «немцев» значительно больше, чем «итальянцев». Благодаря Литературным гостиным МГП и работе над переводом у меня есть давние фавориты, о которых, в основном, и пойдет речь в моих размышлениях.

Иллюстраций касаться не буду. Скажу лишь, что они украсили книгу.

Несмотря на то, что вступительное слово редактора посвящено, прежде всего, палестино-израильскому конфликту, разумеется, боль Земли не сводится только к нему одному. Просто в момент завершения книги редактор был сильно впечатлен тем, что наши израильские МГПэшники слали свои репортажи в перерывах между бомбежками.

Вселенскою болью пронизана симфоническая поэма Spes гомельчанки Эммы Прибыльской. Автор музыки – молодой венесуэлец Херардо Эстрада, с которым мы одно время дружили.

Текст Эммы Прибыльской, на мой взгляд, – золотой фонд мировой литературы. Не перестаю восхищаться и формой, и содержанием поэмы. Смакую каждое слово:

Чулая-чулая...

Светлая-светлая…

Дальними гулами…

Бубнами медными…

Мне повезло больше других, потому что хорошо знакома с творчеством Эммы Прибыльской и знаю, что таится не только за каждой строкою, но и за каждым словом, хотя посыл автора ясен даже человеку постороннему:

Далеко же занесло тебя, Рыцарь!

[…]

Рыцарственный Век!

[…]

На защиту святынь…

Чужою землицей укрыться:
довела до беды…
Лил булат гранатный пламень
сарацинских битв…
Романтик-романтик!
Сечь – одна на всех…

Несмотря на то, что по-прежнему «больно земле, где были битвы», финал симфонии – жизнеутверждающий:

Ты
Вобрала простор,
вольная земля на сплетении рек…
Мирная земля звонкой тишины:
чистою душой – в тишине слышать птиц!
Стаи летят: перемен крылатая Весть –
Надежда
на
новь!
Spes – на все времена:
Всепланетный спев «Святая Земля!».
Ясная Земля светлых голосов!
Утро чистых флейт – над планетой-Весной!
Долгота с широтой –
глубь с высотой!
Неделимый мир-Дом родной!

Еще одна гомельчанка, Валентина Рогачёва – дебютантка, но голос ее звучит уверенно, поскольку пишет она про «боль своей души» – о пережитом лично или известном из рассказов родных, переживших войну: о белокурой пятилетней девчушке Аннушке – «спасителке» односельчан, и о польской семье, спасшей дедушку Валентины, как минимум, от фашистского плена; о «гармонии нашего единения с природой». За время общения с нами (МГП) Валентина подготовила и сдала в печать книгу прозы «Антоновка», иллюстрированную работами студийцев Областного дома творчества детей и молодежи «Юность». Спонсором выступило Гомельское областное отделение Белорусского фонда мира.

Илана Городисская делится личным опытом избавления от вампиров. У меня этот опыт – другой. Скажу лишь, что на заявление одной своей подруги о том, что она – энергетический вампир – и её вопрос: «Когда я ухожу, тебе плохо?» – однажды я рискнула ответить: «Когда ты УХОДИШЬ, мне хорошо!!!» Как рукой сняло!

Поэзия Ольги Труба меня не тронула, а рассказ показался интересным: вернул меня в юность, хотя Ольга повествует, как мне кажется, о современной Германии.

Хотелось бы знать, что значит фраза: «Два дня назад Игорь попросил подарить каждому по 4 тысячи евро».

Интересен авторский ход с руками Шамиля и Кости, ненавязчиво подано желание Алексея остаться… Рассказ «Они прилетают» хочется завершить словами: «Но обещали вернуться!»

Наталья Шабло – явный мой фаворит. Знакома по конкурсу «Стабия в стихах» (Италия, Калабрия) и различным литературным проектам. Пользуясь случаем, отмечу, что один из судей придрался к фразе «и вмерзнешь в снег как брошенная лодка», несмотря на то, что Эмма Прибыльская, знакомая с Русским Севером не понаслышке, без труда доказала, что можно вмерзнуть не только в лед, но и в снег – однако не была другой стороной услышана. Конечно, поэтический образ был Наталье засчитан. Тем более, что перевод на английский превзошел даже оригинал на русском. Наталью по праву можно назвать поэтом XXI века, пишущим в лучших традициях века минувшего.

Насколько приятно было слушать Геннадия Леушина, настолько сложно читать, даже вопреки его заверению: «Трудно понимать жизнь, а надо».

Не знаю, сколько лет Ольге Магид (отбросим ложный стыд: ничего, что автор – женщина), но её рассказ показался мне наивным. Возможно, потому, что мое поколение белорусов читало прозу о войне Василя Быкова и Алеся Адамовича, а это – самый что ни на есть мировой уровень. Опять-таки, чем старше становлюсь, тем больше тяготею к *хэппиэндам*.

С Билалом Адиловым знакома всего два года, но считаю его своим: перевела его сборник (120 стихотворений) на итальянский язык, цикл стихотворений «Точка росы» («Диалог с сердцем») и поэму «Прялка» – на русский, подготовила от начала до конца тетра-проект в квадрате (четыре языка, четыре автора) «Jam Session. BLUES. Интонации и слова Билала Адилова. Поэзия. Эссеистика», написала для итальянского издания эссе о творчестве Билала «Земля Орлов: вровень с небом», предисловие к книге-билингве «Ночной разговор», вышедшей в Москве в серии «Библиотека национальной поэзии России» в переводе Валерия Латынина; заразила энтузиазмом Эмму Прибыльскую, написавшую два эссе о творчестве Билала – «Высокое сердце» и «Восток – дело тонкое» (последнее заняло II место в одной из секций одноименного конкурса МГП).

В «Книге Мира» Билал представлен «Песнью орлу», «Точкой росы» и «Мыслями и мечтами на родном языке поэта» в моем переводе. Стихотворение «Посмеялась осень надо мной», равно как «Два окна» и поэму «Прялка», перевел Валерий Латынин. (В «Книге Мира» латынинский перевод «осени» на русский язык приписан мне, что считаю несправедливым.)

Два года назад, слушая на фестивале «Интеллигентный сезон» перевод «Песни орла», сделанный Народным поэтом Дагестана Мариной Ахмедовой, я не предполагала, что и мне предстоит переводить на три языка непонятное мне тогда, но занявшее I место в секции «Расул Гамзатов» произведение. Мало кто из нас, граждан бывшего СССР, знает, что «Лезгинка» – «Танец Орла», а Земля Орлов существует лишь виртуально: после распада СССР лезгинский народ оказался по разные стороны Срединной реки – Самура – на территории современных Азербайджана и Дагестана. И хотя в самое высокое горное селение Европы – Судур – недавно проложили шоссейную дорогу, а годом ранее – торжественно открыли мост через Самур, между двумя половинками одного народа непреодолимым водоразделом встала сегодня злобная пандемия.

С интересом читала «Библиотеку» Александра Василенко: «Куда клонит автор?» Изумил финал: «Профессор оглядел всех собравшихся вокруг него, лихо расправил вибриссы и тут же поспешно убрал хвост, на который так и норовил наступить неуклюжий Веба».

Ирина Яворовская – как всегда, мудрая, честная: правильная.

Беседы Татьяны Кайзер – в спокойном задушевном тоне, глаза в глаза. Невольно вспоминаю если не сами «Назидательные новеллы» Сервантеса, то их название.

Притчи Татьяны – скорее, философский, чем литературный труд. Учебник нравственности. С некоторыми выдвигаемыми автором постулатами не могу согласиться, но в целом – это полезный труд, основанный не только на глубоко осмысленной теории, но и на эмпирических знаниях автора. У меня опыт – жизненный и профессиональный – другой, а знаний – по сравнению с Татьяной – катастрофически мало.

Восхищает интервью Лады Баумгартен с Татьяной Кайзер – амплитудой «от астрономии до литературы»: «После школы ко всеобщему удивлению поступила на физфак туркменского университета, отдав предпочтение физике, а не лирике, несмотря на безмерные влечение и преданность к литературе.

Это позже открылось: человек только полагает, но располагает-то не он. […]

В пору моего самого первого жизненного испытания, когда вдруг реальность оказалась чудовищно далека от впитанного разумного, доброго, светлого и надежного, довелось мне уехать за тридевять земель от дома в Литву. И там, впервые попав в костел, вдруг ощутила, словно из затылка пробка какая-то вылетела, внутри что-то затрепетало и изменило дыхание. Никаких молитв не знала. Но вдруг вырвалось молитвенное обращение: «Господи!»

Думаю, тогда и началось расширение сознания, освобождение от пут атеизма – процесс, открывший свободу для духа и его развития, для восприятия высших ценностей, а потом и новое время дало возможности к постижению духовного опыта. Был великий риск не захлебнуться в потоке хлынувших эзотерических учений, разнообразных религиозных культов, экстрасенсорных методик. Какой-то внутренний навигатор удерживал от заманчивых крайностей. Пробудилась ВЕРА, до определенного срока сокрытая в глубинах души. […]

Вижу промысел в том, что искания привели меня в школу изучения теории Причинности».

Тему Святой Земли в нашей книге продолжают «Сонет Иерусалиму» и «Мольба о мире» Валентины Чайковской, написанные самыми простыми словами, но тронувшими душу.

Вера Сытник для меня – открытие. Изумительно тонкая работа – и «Лунный кролик», и «Иероглифы на асфальте». Мне понятна тревога героя рассказа «В тумане»: «Только я все меньше говорю о прошлом, потому что жене моей все известно, дети не верят, говоря, что я слишком романтизирую советское время, китайцы не понимают, будучи до сих пор уверенными, что Украина, Казахстан, Белоруссия, Эстония – это Россия, а больше рассказывать некому».

Мой младший сын недавно спросил, пишу ли я о прошлом, и заключил: «Правильно делаешь, иначе скоро от правды ничего не останется». А затем, прочтя первую часть моего около-биографического романа, спросил: «Кто это, кроме нас с тобой, читать будет?!» Двое старших детей присланную мною рукопись просто не заметили.

С творчеством Максима Сафиулина знакома по Гостиным и совместным проектам. Улыбаюсь! Что мне стоит?!

Открытием для меня стал и Лев Пудин – автор «Благотворительности» и «Святоши». Откровенное самобичевание и искреннее раскаяние героя обоих его рассказов служит мне основанием для спора с прозаиком Варисом Елчиевым, заявившим: «Писать мемуары? Те, кто пишут мемуары, не искренни. Ведь не все, что пережил, можно изложить на бумаге.

Какой писатель может сознаться в своей зависти, гневе, ненависти, а также похоти? Только рассуждая о судьбе другого человека можно быть искренним. Я не верю мемуарам».

Лев Пудин не пишет мемуары: он свидетельствует правоту Пабло Неруды, заявившего в Нобелевской лекции: «Если я коснулся в своей речи некоторых событий своего прошлого, если заново пережил никогда не забывавшийся рассказ, […] то лишь потому, что на протяжении своей жизни всегда где бы то ни было встречал должное заверение, ожидаемую формулу не затем, чтобы укрепиться в своих словах, а затем, чтобы объясниться с самим собой.

[…] Нет непреклонного творчества. Все пути ведут в одну точку: к сообщению того, чем мы являемся».

Сразу оговорюсь: биографию Вариса Елчиева и интервью с ним Лады Баумгартен прочла после знакомства с V.I.P. в Литературной гостиной. Тогда же посмотрела несколько серий фильма, снятого по его многочисленным увлекательным детективам.

«Диптих» Ольги Равченко – сфинкс с секретом. Эмма Прибыльская прямо спросила: «Интересно, по какому поводу это было написано?!»

Не станем открывать завесу тайны. Ограничимся лишь упоминанием факта, что, работая над переводом стихотворения «Добыча» из цикла «Жажда нежности» итальянского поэта Анны Пинцути – добрейшего человека, – Ольга спросила, откуда взялся хищнический сюжет отдельно взятого произведения. Оказалось, что автор подслушал в кафе разговор двух молодых кровожадных циничных особ и перевоплотился в одну из них – новоявленную сирену:

Ты полюбишь меня,
как не любил никогда.
Проклянешь меня,
став добычею на день.
Только на день.
А после – воспоминанием.

В «Книге Мира» «Диптих» сопровождается написанным ранее «30-м сувениром серии «Божественные интриги» о том, что часто мы прикидываемся «людьми с той стороны» (образно – пришельцами с другого берега Евфрата).

Здесь же приведены рассуждения Калоджеро Ла Веккъя об участии – неучастии в конкурсе деструктивистской поэзии, в котором «Диптих» занял II место. Ценность занявшего I место произведения итальянского автора Ольга поняла лишь по прочтении рецензии на него литературного критика, одного из основателей журнала «Деструктивизм» Мэри Блайндфлауэрс.

За мнением Калоджеро Ла Веккъя по поводу деструктивизма следуют переводы с итальянского на русский стихотворений маэстро. «Стишков» учителем математики написано много, но их невозможно перевести на русский – настолько они сложны, а порой – зашарадированы. Переводчику остается лишь читать их и восхищаться ими, осознавая, что «видит око, да зуб неймёт». К слову, Калоджеро в своих конкурсах объявляет победителями стихи, а не авторов. Его «Дагестанский цикл» навеян впечатлениями от поездки в Махачкалу на Гамзатовские чтения «Дни белых журавлей».

Начала читать Михаила Краснянского – и ощутила себя «этой напыщенной, но недалекой публикой сразу…». Но – не Боккаччо, извините! Дочитала таки до конца. Оправдать автора нечем: глубины проникновенных мыслей не ощутила.

Гомельчанка Лилия Величко, как и Эмма Прибыльская, – верный друг Ольги Равченко с 1999-го. У Лилии тоже свои собственные философия и взгляд на мир, чем все трое друг другу и интересны.

«Новая жизнь» Виктории Левиной пронизана безграничным оптимизмом:

– Как ты говоришь: Венский балет? – Хохотнул и направился снимать перчатки и халат в послеоперационный блок.

(Виктория Левина – автор романа, который мне хотелось бы прочесть.)

Творчество Валентины Бендерской для меня – просто акме. Складывается впечатление, что у неё никогда «не закончатся слова» и представляемые ими неповторимые образы.

Сначала Валентина принуждает меня обратиться вновь к подзабытой мною Асфодели и очутиться, к сожалению, в знакомых мне «объятьях тризны…».

Цикл «Нить Ариадны», равно как «Украинский» и «Израильский» – мотивы, «Диатоника чувств» и фрагменты книги «Пассакалия» – безусловно, золотой фонд мировой литературы. Стихи Валентины не хочется отпускать – какой ни возьми!

«Купальские росы» и «Ушедшие в Ирий» достойны звания народных песен – ввиду их универсальной автохтонности и бездонной глубины.

Благодарна я Валентине и за слово «Пассакалия», подаренное ею мне – выпускнице факультета испанского языка, за всю жизнь ни разу не встретившей его ни в испанском, ни в итальянском, но таким необходимым! Исконно русское «На посошок!» и белорусская «народная» песня «Бывайце здаровы, жывіце багата…» (композитора Исаака Любана и поэта Адама Русака) в контексте недавно написанных стихотворений Валентины волей судьбы превращаются в скорбный Плач Ярославны на юру.

Тем не менее, из песни Валентины слов не выкинешь:

Счастье выпало под старость:
Испытать такую малость –
Что меня любил поэт!

И какой – поэт: Леонид Колганов! Целующий Небо – в щеку, Иордан – в устье! Полноводная Матушка-Волга, встающая плотиной, чтобы наудачу повернуть вспять Днепро, разлученный с Волгой! (Образы взяты мною из стихотворений Леонида Колганова).

Дорогого стоят слова, посвящённые любимой:

Петлистые наши дороги,
Размытые наши пути,
Отброшенных Родин пороги,
Которых уже не найти!

Свели нас слепые Стихии,
Ожившие угли в крови.
Ты больше Украйны, России,
И даже ты больше любви!

Людмилу Ларкину всегда с удовольствием слушала в Литературной гостиной. Наверное, таким во все времена многим виделся идеал русской женщины. Поражает выдержка Людмилы: с милой улыбкой слушала до конца, как неуклюже читает ее стихи другой поэт, – не прервала даже в близком кругу…

Прочитав в рукописи на русском языке «Неугасимый свет на Удмуртской земле», я подумала: «Разве это итальянцам интересно?» Приступила к переводу – и прозрела: еще как интересно!!! Сложные вещи изложены доходчивым языком, сокровенное поведано – как лучшему другу. Спасибо!

Татьяна Бадакова – почти родная: дедушкина станица, Андреевская, стояла на краю Сальских степей. В 1670-х в Сальские степи прикочевали калмыки. В 1836 году территория Сальских степей была включена в состав Области Войска Донского. Калмыцкий чай и небесные тюльпаны знакомы мне с детства – из уроков дедушки и рассказов мамы.

Ни Татьянин, ни мой дядя не расписались на стенах Рейхстага, но мы помним их имена. И помним образы нашего детства…

Восхищает деятельность Татьяны Бадаковой как литератора – в целом и в частности. Особенно то, что касается Велемира Хлебникова.

«Картине мира» Владимира Бенцлера предпочту «Черный квадрат» Казимира Малевича или каракули Жоана Миро. Люблю верлибр, но достойную рифму – не меньше.

Завершает русскую часть нашего триптиха рассказ Альбины Горбуновой «Я все слышу». Если бы не встречала Альбину в Литературном салоне, сочла бы повествование автобиографичным – настолько ясно все прописано. На наших глазах истребили одну из красивейших стран Южной Европы – и, в принципе, кто ответил?

Немецкую часть книги иногда бережно перелистываю, читаю названия произведений, отдельные предложения. Даст Бог, со временем что-то прочту.

Итальянская часть, работа над которой позволила мне прочувствовать каждое слово переводимых мною авторов, – оказывается, ничуть не дороже русской или немецкой.

Гордость за участие в данном проекте переполняет меня: в одиночку мы – капля, вместе – океан.

2. «Мир нашему дому…»

«Non solum armis»
(«Не только оружием»).
Девиз семейства Румянцевых

Несколько слов о названии книги, ее композиции и Единой Земле.

В самом начале работы над переводом на итальянский язык я задала редактору вопрос, что понимается под «миром». Старшее поколение помнит советские Первомайские открытки «Миру – мир!» на нескольких языках, позволявшие проследить полисемию слова в русском языке.

Botschaften an die Welt – Libro del Mundo, Libro del Globo. В названии Libro della Pace однозначно речь идёт об антониме слова «вражда» (отсутствие мира, лада). Тему мира поднял в ходе встречи в Литературной гостиной МГП Джеро Ла Веккъя: это не только мир на Земле и в каждом конкретном доме, но и мир в душе. В католических храмах, в частности, в Италии, паства обменивается в ходе мессы рукопожатием мира, произнося вслух слово Pace (Pax: Paz, Piax, Pokój). На каком этапе перевода произошло недопонимание, сейчас трудно сказать, но, вероятно, так должно было случиться: ведь содержание будущей книги было известно только составителю. Лично я до выхода книги имела некоторое представление

исключительно о том, что представляет из себя итальянская часть. Возможно, поэтому и отдала предпочтение «миру» – именно в этом контексте.

Мне приходилось выступать в роли составителя и коллективных сборников, и сборников отдельно взятых авторов, но как правило, это были мои соотечественники, а если кто-то из них и был иностранцем, то в моей книге он представлен в аранжировке белорусского «интерпретатора» и «композитора» (в одном лице) на русском языке. Представляю, насколько сложно было Ладе Баумгартен «с кошкой мышь согласовать»: неспроста редактор принял решение не делать привязки авторов к местности. (У Владимира Маяковского – «с кошкой мышь согласовать бы».)

Начинается русская часть книги с «надежды на все времена» – Spes, заканчивается рассказом Альбины Горбуновой, открывающим немецкую часть, завершающуюся триптихом Веры Сытник. В русской части за Ольгой Равченко следует Калоджеро Ла Вэккъя, что логично, поскольку стихи Джеро представлены на русском языке в переводе Ольги. Итальянскую часть книги открывает Джеро с теми же стихами – в оригинале, завершает – Ольга в сопровождении Мэри Блайндфлауэрс, Ольги Эр и Калоджеро Ла Веккъя.

То есть три части книги отличаются не только количественным составом авторов, но и композиционно, что делает честь редактору и составителю книги, вышедшей в издательстве Stella.

Фрагмент нашего с Эммой Прибыльской материала, написанного для проекта «Наш дом – Земля»: «В феврале 1819 года в Ангостуре (до 1846 года так назывался город Сьюдад-Боливар в Венесуэле) Симон Боливар произнёс Программную речь, в которой призвал бывшие испанские колонии объединиться.

7 января 2019 года, в преддверии 200-летия знаменательного события, на одном дыхании мы написали нижеследующее эссе […]. Про эссе вспомнили лишь теперь, когда книга вышла без нас. Мы не добавили и не изменили в нём ни одной буквы. Искренне жаль, что всё это время материал не работал. Зато теперь очевидно, кто какие планы вынашивал на протяжении последних двух с половиной месяцев относительно единства Латинской Америки и мира. [Эссе появилось 21 марта 2019 года на одном из Интернет-ресурсов.]

[…] Великая мечта об объединении всего человечества – утопия? Мечты и грёзы бывают разными – о разъединении, о независимости, о самостоятельности, и тогда идея может искать подпитку в прошлом: в мифическом или историческом прошлом. Как Финляндия – в «Калевале», Польша – в Речи Посполитой до её разделов (Домейко, Мицкевич, филоматы, участники польских восстаний XIX века – с мечтами о былом величии Родины: от моря до моря), индейцы – в Доколумбовой Америке, многие бывшие граждане СССР – в стране, где они были счастливы.

Одни строят Новый Мир на старом, «разрушенном до основанья» месте, создавая новые традиции. Другие в потёмках прошлого пытаются нащупать давнюю традицию и возродить её, как Израиль с ивритом – собранным по крупицам из древних источников: сначала взяли на вооружение язык, потом создали государство. Можно также искать Новый Свет в чужих неведомых краях, как Колумб: открыть новые земли и начать новую жизнь. Причём, забывая, что вновь избранное место отнюдь не свято-пусто, а издревле – Родина других народов.

Творить «Лучезарные города» можно в разных сферах – реально в политике, геополитике – деля мировой пирог, перекраивая карты – или во внутренних пространствах человеческой души – через творчество ли, религию.

Человечество уже становится ближе – за счёт развития техники, быстрого распространения информации, прямых личных контактов: преодолеваются расстояния и языковые барьеры. […]

Рано или поздно придём к Единой Земле. Только каждый дробный кусочек должен осознать смысл своего существования, определить своё место в общей картине мира.

И речь идёт не о сколачивании, закольцовывании в Единую Земную Империю, силой Кольца всевластия по Толкиену, – потому что такое объединение рано или поздно распадётся. Мы говорим о том, что должно видеть Землю как один организм, понимать свои личные цели, задачи, важность – в таком контексте единение возможно: когда все вместе создают гармонию. Как в оркестре. Синтонно-синергетично… Это – утопия?

Самое страшное преступление, когда растаптывают веру, доверие – т. е. идут на сознательный обман. Именно не в мелочах, а гася чужой душевный порыв, круша идеалы.

Именно в такие моменты наступает период антиутопий… Но человечество, как птица феникс: проходит время – и мы снова верим в светлое завтра. Мы снова хотим нового света, Нового Мира. И не просто хотим, а готовы совершать ради этого действия, прилагать усилия. Готовы делать сказку, творить историю: не отлынивать, коль представился шанс, даже если не всегда знаем, что за ближайшим поворотом. […]

Похоже, живём с широко закрытыми глазами, мечтая о радуге. Хорошо бы постоянно видеть, что происходит на Планете. Выбирать сознательно, чтобы весь пыл-жар души не ушёл на подпитку тех, кто говорит одно, а делает другое, работая на себя. Вдохновляться светлыми умными сказками.

Вдохновение – хорошо. Очень скоро начнётся этап новых вспышек творчества. Может быть, в это верится с трудом, но настало время оглядываться, приглядываться, проводить параллели, тем более, что наблюдаем круглые даты. […]

Человек – существо космическое... В соответствии с теорией этногенеза Льва Гумилёва, на краю Эйкумены совсем недавно светлой энергией кипела Венесуэла с жизнеутверждающим девизом её лидера: «Другой мир возможен!»

Грядёт новый виток. Где на этот раз полыхнёт пассионарность? [Теперь уже знаем.]

Социально-утопический романтизм – закономерный природный процесс, возникающий спонтанно. Человек над ним не властен – вовлечённому в поток событий остаётся лишь выбирать, какому паттерну поведения следовать. […]

Подвиг – то, что подвигнет: порыв, где не будет места эгоистичным, корыстным расчётам и трезвости, где человек предаётся высокому внутреннему чувству.

Нам повезло родиться в интересное, трудное, важное время – время перемен. Пожелаем же себе мудрости и внимания!

Ольга Равченко, член МГП